

— Повторяю условия задачи: «Из городов А. и Б. навстречу друг другу вышли два поезда...»

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

КРОКОДИЛ

№5 (1799) ФЕВРАЛЬ 1966

год издания сорок четвертый

ОЖЕАН — ЭТО СТИХИЯ

Испытывали ли вы когда-нибудь властный зов моря? Я его особенно остро почувствовал, приехав в Ригу, в главк «Запрыба». В просторном вестибюле главка царил мертвый штиль. Лишь двое мужчин с внешностью бывалых морских волков ходили вдоль исполинских стенов, под стеклами которых чернели неинтеллигентные головы промысловых рыб и демонстрировали свои безупречные профили белоснежные сейнеры. А кривые выполнения плана взлетали вверх со стремительностью альбатросов.

Вот тут-то мне, во-первых, захотелось стать моряком. А во-вторых, меня внезапно одолели сомнения. Дело в том, что в моем кармане лежала необычная телеграмма. Ее содержание находилось в таком вопиющем противоречии с развешанной в вестибюле наглядной агитацией, что я решил в предварительном порядке побеседовать с морскими волками.

— Скажите, пожалуйста, в чем больше всего нуждаются рыбаки на промысле?

— А вы разве не из главка?

— Нет.

«Волки» испуганно переглянулись, и один из них, с седыми адмираль-

скими бакенбардами, тихо прошептал:

— Ссс...

— Что «ссс»? — не понял я.

Другой «волк», без бакенбард, с рыжей кожаной папкой под мышкой, явно удивившись моей непонятливости, прильнул к моему уху и жарко выдохнул:

— Со...

— Какое «со»?!

Тогда один из моряков выглянул на лестничную клетку, а другой в коридор. Убедившись, что там пусто, мореходы на цыпочках вернулись ко мне и в один голос воскликнули:

— Соль! Нечем солить селедку!

— Как! И соль?! — изумился я, вспомнив содержание телеграммы.

Но у меня есть сведения, что главное — это нехватка бочек.

— Бочки само собой, — пояснили моряки. — А соль...

Но тут к нам решительным шагом подошла женщина с хрупкой секретарской прической, и морские волки мгновенно онемели. Мне пора было идти на беседу с заместителем начальника главка Николаем Захаровичем Теличевым.

В кабинете Н. З. Теличева все было крупноразмерно: и окно, и стол, и карта Атлантики...

— Правда ли, — начал я, — что на промысловых судах рыбакам часто не хватает...

— Одну минутку! — остановил меня Николай Захарович тем небрежно-властным жестом, каким капитаны дают команду застопорить двигатели. — Вы бывали на Фарерах?

— На Фарерах я никогда не бывал.

— Да-а... — осуждающе протянул Николай Захарович. — А между тем именно там наши суда ведут успешный экспедиционный лов сельди... Станислав Ефимович, — обратился он к вошедшему в кабинет сотруднику, — покажите товарищу Фарерские острова!

Станислав Ефимович встал на стул и с трудом дотянулся до какого-то зеленого пятнышка на карте.

— Большое спасибо! — поблагодарил я. — Но меня в данный момент интересует другое. Правда ли, что на промысловых судах...

— Одну минутку! — снова прервал беседу Николай Захарович. — А на Джорджес-банке вы бывали?

И на банке я не бывал.

— Да-а? — поразился тов. Теличев, пока Станислав Ефимович вставал на стул и отыскивал далекую банку. — А ведь мы там успешно ловим селедку. И хек!

Снова поблагодарив Станислава Ефимовича, я сказал, что слово «банка» почему-то напоминает мне слово «бочка». В связи с этим правда ли, что на судах...

— Одну минутку! А у берегов Западной Африки вы бывали?

У Западной Африки я тоже не бывал. Но понял, что если немедленно не приму каких-то решительных мер, то так увязну в географических тонкостях, что никогда не сумею выяснить вопросов, ради которых я сюда приехал.

— В Западной Африке бывал совсем раз, — бесстыдно солгал я и, встав на стул, показал, где находится Африка. — Мне знакома там каждая пальма. На языке ухулу я пишу белые стихи. А теперь скажите: правда ли, что на промысле часто не хватает бочек и соли?

— У нас нет таких сообщений, — осторожно заметил тов. Теличев.

— А у нас есть, — сказал я и протянул ему телеграмму.

— А, это Онищенко! — сделал для себя заметку Николай Захарович. — Да, такое бывает. Но, учтите, бывает не всегда. Вот, например, сейчас план не выполняем, рыбы мало, зато бочек и соли — завались.

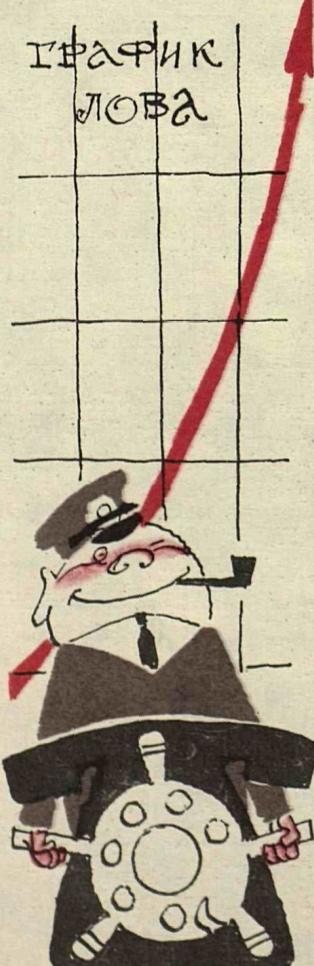
— Значит, если рыбы нет, всего

ТЕЛЕГРАММА ТЕЛЕГРАФ
„ПРАВДА“

Бланк № 52	ДАТА ПРИЕМА 13.30	ПРИНИЛ 2/11/54	ДИСТ. ПРОДОЛЖЕНИЕ
ИЗ МОСКВЫ 77РГ92	МОСКВА РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА КРОКОДИЛ		
СРТ 4314 281 199 1 1600 ПГ	ВЕНСПИЛС 2/1		

301/54

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ С НОВЫМ ГОДОМ ТЧК СЕЙЧАС НАХОДИТСЯ НА ПРОМЫСЛЕ ЗПТ ЛОВИМ РЫБУ В СЕВЕРНОЙ АТЛАНТИКЕ ТЧК ПОГОДА НАС НЕ БАЛУЕТ ВСЕ ВРЕМЯ ДУЕТ В 9 БАЛЛОВ ТЧК ВСЕ БЫЛО БМ НИЧЕГО ЗПТ НО ВОТ БЕДА НЕТ БОЧКОТАРЫ НА ПРОМЫСЛЕ ТЧК И ВСТРЕЧАЕМ НОВЫЙ ГОД ПРОСТОЕМ 120 СУДОВ РАДОНЕ ПЛАВБАЗ =50" ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ БОЧКОТАРЫ ЗПТ А БЕРЕГ КРОКЕ БУНАЖНО, ВОЛОКИТЫ ПРИДУМАТЬ НИЧЕГО НЕ В СОСТОЯНИИ ТЧК ДАВАЛИ МЫ 1965 ГОДУ СВОДКУ ИЗ ДЕВЯТИ ПУНКТОВ ЗПТ В 1966 ГОДУ ПРЕДЛОЖИЛИ ДАВАТЬ СВОДКУ В 21 ПУНКТ ЗПТ ЧТО ПОД СИЛУ ПЕРЕРАБОТАТЬ СЧЕТНО РЕВАВЧЕМУ УСТРОЙСТВУ ЗПТ А НЕ НА СУДАХ В 200 РЕГИСТРОВЫХ ТОНН =100" ЗПТ ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КОТОРЫХ ЛОВИТЬ РЫБУ ЗПТ А НЕ СОСТАВЛЯТЬ ОГРОМНЫЕ МНОГОЯРУСНЫЕ СВОДКИ ТЧК ВОТ КАКОЕ ПОЛУЧИЛИ ПОДАРОК МЫ НОВОМУ ГОДУ ЗПТ ВМЕСТО ТАК ВСЕМИ ОЖИДАЕМОЙ БОЧКОТАРЫ ЗПТ А 120 СУДОВ СТОЯТ И СОСТАВЛЯЮТ СВОДКУ В 21 ПУНКТ ТЧК ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ ПОМОГИТЕ НАМ ПРОМЫСЛОВИКАМ В ЭТОМ ВОПРОСЕ ИЛИ ЖЕ ПРИДЕТСЯ =150" ЗАКАЗЫВАТЬ ПОДВОЗ БУМАГИ ДЛЯ СВОДОК ВМЕСТО БОЧКОТАРЫ ТЧК ОБЕ ФОРМЫ СВОДОК ВЫ МОЖЕТЕ ПОСМОТРЕТЬ И ПОЛУЧИТЬ В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ РЫБНОГО ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТЧК ПО ПОРУЧЕНИЮ СУДОВ 5 ТИРЕ 6 ОТРЯДОВ ЛАТВИЙСКОЙ РЫБОПРОМЫСЛОВОЙ ФЛОТИЛИИ КАПИТАН ФЛАГМАН 5 ОТРЯДА СРТ 4539 ОНИЩЕНКО КАПИТАН ФЛАГМАН 6 ОТРЯДА СРТ 4314 СТЕПАНОВ

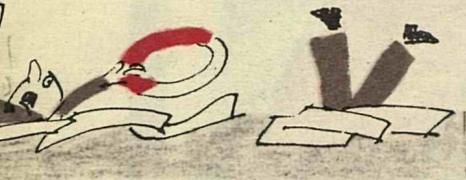

Подготовлено каждый год капитанами рыбопромысловых предприятий Латвии, Эстонии, Литвы, телеграфом и радио посылать в Государственный производственный комитет по рыбному хозяйству СССР цифровые сводки на миллион рыболовецких тысяч показателя.

ФИОЛЕТОВЫЕ ПАРУСА
Рисует И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 19 (777) • ГОД ИЗДАНИЯ 444 • 10 ИЮЛЯ 1965

прочего достаточно? — уточнил я. — А когда рыба идет плотными косяками, соли и бочек не хватает?

— Совершенно верно! И винить в этом некого. Сами понимаете: океан, стихия... И фельетон вам писать не о чем. Разве что об океане.

Я заверил, что с удовольствием заклею бы недостойное поведение океана, но рыбаки в телеграмме называют другого виновника — берег, а точнее, главк.

— Главк здесь ни при чем! Ведь мы находимся далеко, в Риге, а лов идет по всей Атлантике: на Фарерах, на Джорджес-банке, у берегов Исландии. Кстати, вы бывали в Исландии? — с надеждой спросил Николай Захарович.

— Исландию я знаю, как свои пять пальцев, — уже привычно солгал я, пресекая сползание на опасную тему. — Кстати, рыбаки обо всем докладывают в сводках. Причем, как видно, составление их не доставляет капитанам особого удовольствия.

Николай Захарович согласился, что сводки и в самом деле слишком обширны. Но заметил, что для широкой общественности эта проблема не представляет интереса, иначе печать об этом уже что-нибудь написала бы.

— А она и писала, — сказал я, протягивая тов. Теличеву прошлогодний номер «Крокодила».

— Парусных судов у нас нет, — авторитетно заметил Николай Захарович. — И форма сводок не такая. А в целом я с Крокодилем согласен. Но мы здесь ни при чем. Новая сводка — инициатива министерства. Там организовали вычислительный центр. Вот и увеличили объем отчетности, чтобы электронные машины не простаивали. А капитаны об этом не знают и судят со своей колокольни. Но о министерстве я вам писать не советую. Напишите лучше об океане. Стихия, она все стерпит.

Когда я вышел из кабинета тов. Теличева, ко мне приблизился морской волк с рыжей папкой и застенчиво спросил:

— Ну как, будут бочки?

— Нет, — твердо заявил я, памятуя козни океана.

— А соль?

— Тоже нет.

— А сводки?

— Непременно!

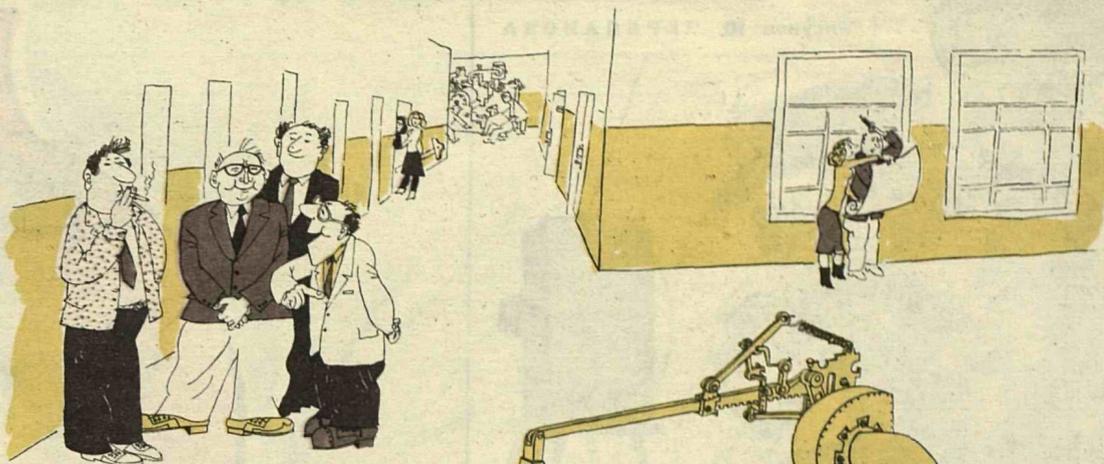
Бывалый мореход с ненавистью посмотрел на свою пухлую папку и мечтательно произнес:

— Вот выйду в Атлантику, сожгу всю отчетность, а пепел развею по волнам. Или брошу плавать и пойду в бухгалтерия.

Я шел по просторному вестибюлю «Запрыбы», мимо белоснежных сейнеров и уже не испытывал властного зова моря.

В. НАДЕИН,
специальный корреспондент
Крокодила.

г. Рига.

— Этот автомат обошелся в двенадцать миллионов. Но через сто двадцать лет он себя оправдает.

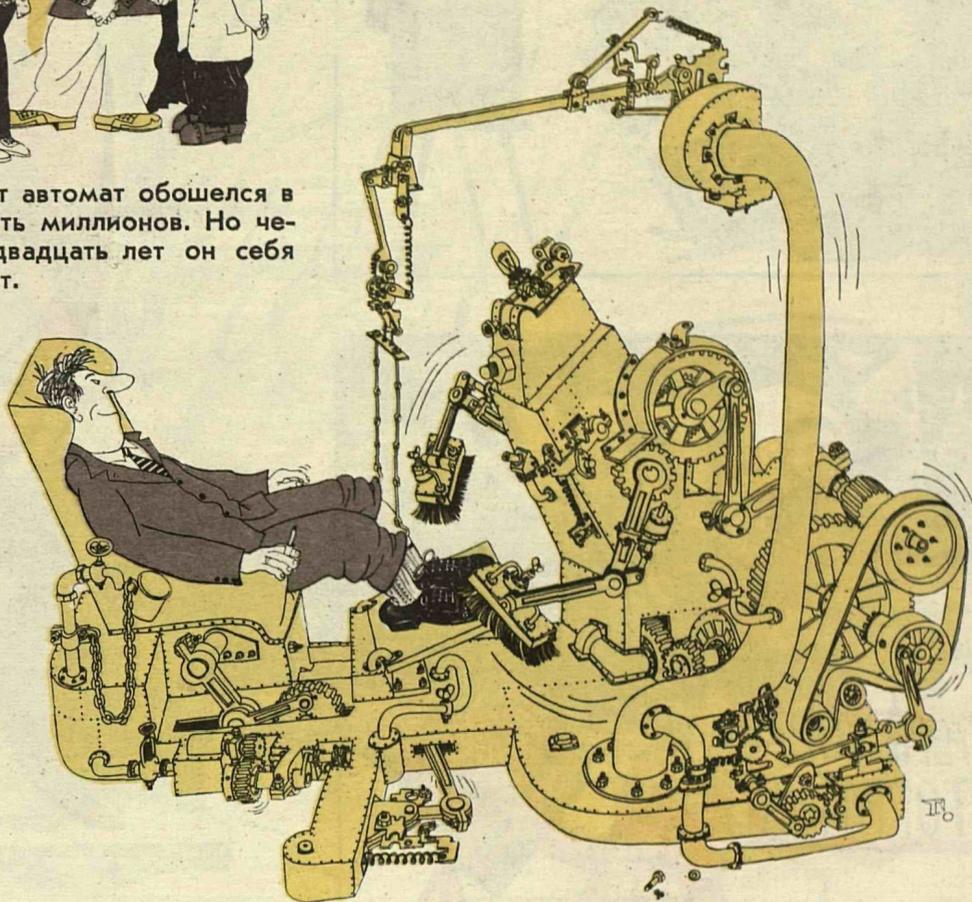

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Грозное нашествие

Есть такой сказочный город — Вилково. Во-первых, он сказочный по своей красоте. Стоит город в устье Дуная, и наиболее восторженные из поэтов называют его украинской Венецией. А во-вторых, там за последнее время произошло воистину сказочные события.

Сначала было почти как у Пушкина. Представьте себе лазурную гладь моря, легкий прибой, и вот однажды...

Тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных
И с ними дядька их товарищ Колбасюк!

Теперь, чтобы читателю было понятнее, расскажем о событиях, которые предшествовали высадке прекрасных витязей во главе с товарищем Колбасюком у пристани этого сказочно-поэтического города. А началось все с чрезвычайно прозаических вещей. В частности, с совещания торговых работников Одесской области. На этом совещании говорилось о всяких полезных мероприятиях. О том, например, что нужно поднимать культуру торговли и лучше контролировать продавцов.

И вот в результате этих горячих высказываний 30 ноября к вилковской пристани прибывает «Ракета», с которой главный контролер Матвей Денисович Колбасюк высаживает на берег свой десант, состоящий из 65 ревизоров. Ребяташки, конечно, с любопытством наблюдают за грозными действиями подразделения, а товарищ Колбасюк выстраивает десантников на берегу и командует:

— Ра-а-вня-я-я!

Потом проходит гоголем перед строем и ставит боевую задачу.

— По оперативным данным нашей разведки, — говорит он, — в этом населенном пункте имеется 56 торговых точек. Весьма возможно, что в них засели разные пройдохи и ловкачи, которые обвешивают и обмеривают покупателей. Поэтому применим психическую атаку и проведем поголовную ревизию во всех точках одновременно.

И совсем уж товарищ Колбасюк собрался дать команду брать город приступом и уже на цыпочки привстал, но тут появились парламентарии. Очень много было этих самых парламентариев, с хлебом-солью, белыми флагами и прочими причиндалами. Подошли и заявили о полной капитуляции. Только попросили проводить ревизию не во всех магазинах сразу.

— Почему? — изумился товарищ Колбасюк. — Мы же для вас стараемся!

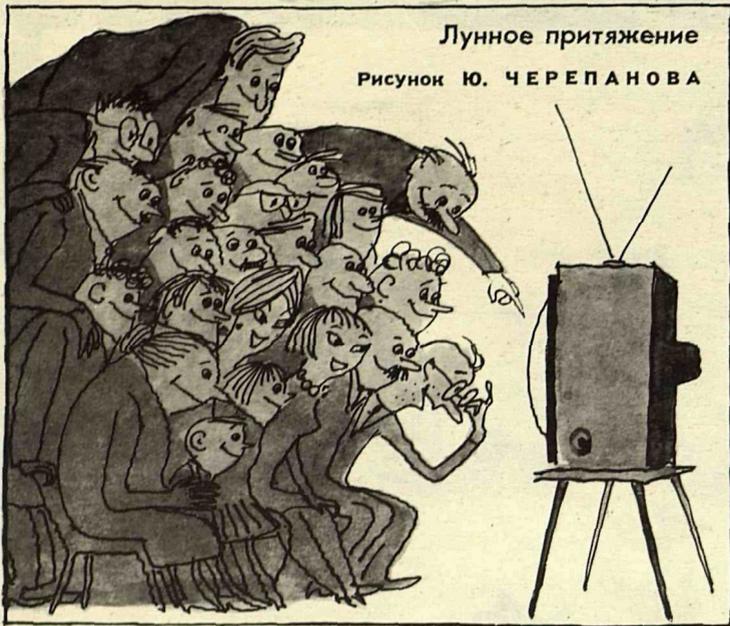
— Так-то оно так, — замялись парламентарии, — но только если сразу все магазины закрыть на учет, мирному населению негде будет продукты покупать.

Очень это заявление не понравилось ревизорам. Потому что совсем они уж было настроились на боевые действия — и вдруг отбой!

Хорошо товарищ Колбасюк проявил мужество и не сдался. Разрешили работать только хлебному магазину, а все остальные закрыли на проверку. И на том спасибо!

Пришлось, конечно, гражданам ходить за мылом да за спичками в соседние села. Зато теперь народ стал предусмотрительнее, делает кое-какие запасы. А то ведь, не ровен час, опять в Одессе замыслили повысить уровень культуры торговли...

А. Н.

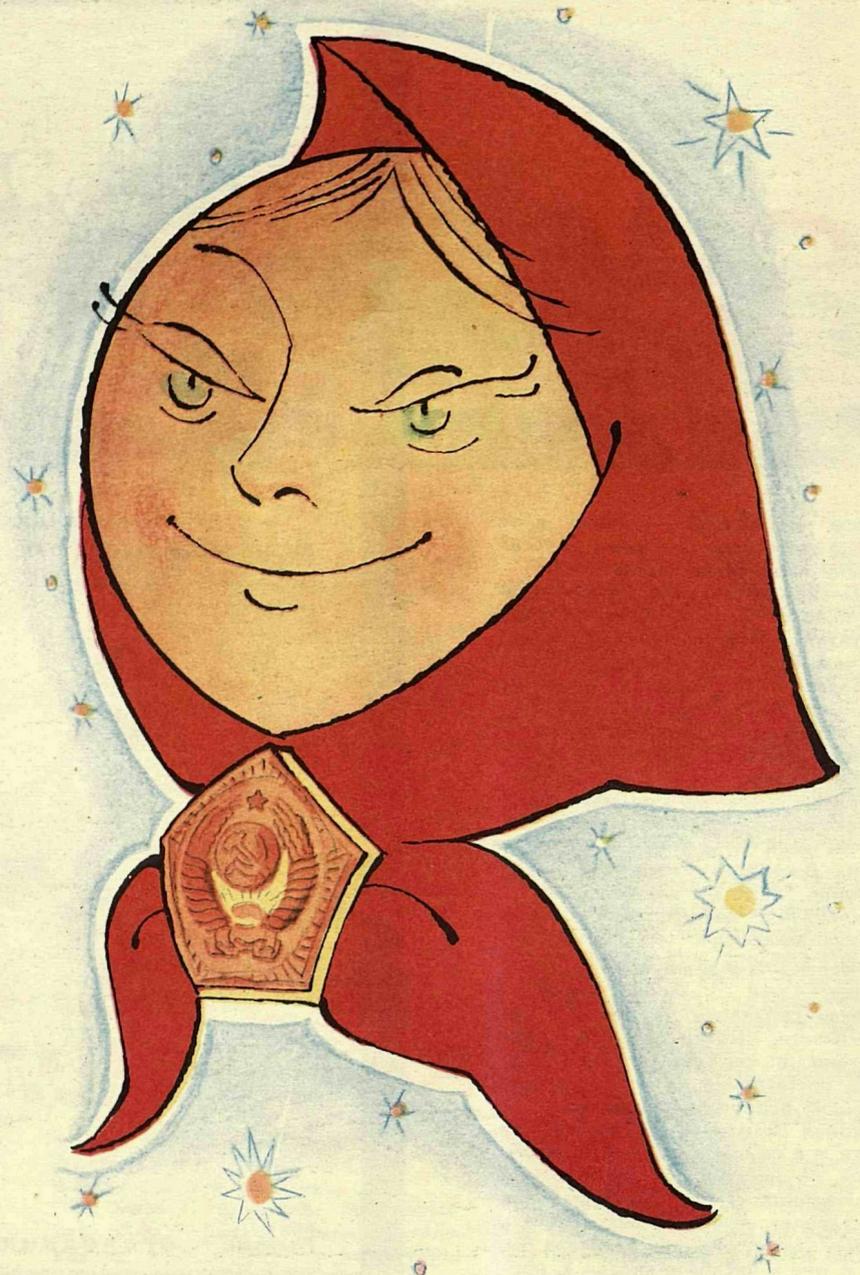

ЛУНА ЗЕМЛЯ

— Кто последний? Я за вами...

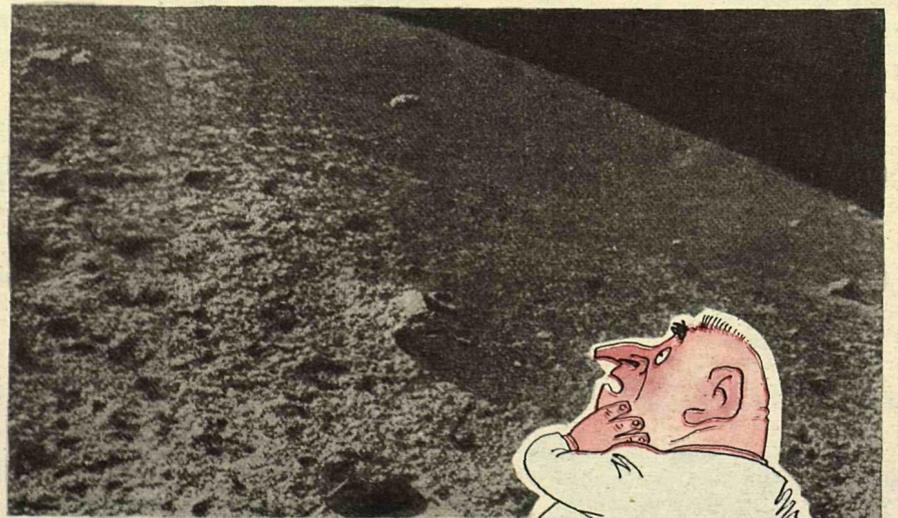
Рисунок А. КРЫЛОВА

Русская косынка.

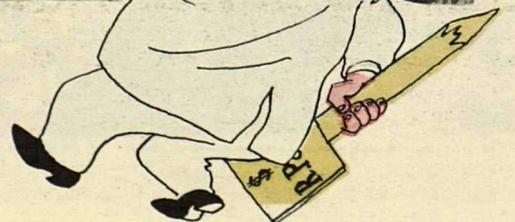
Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Уже несколько лет предприимчивые американские дельцы занимаются распродажей участков... на Луне.

— А не в этом ли месте я купил участок?

Рисунок Е. ГУРОВА

ГОГОЛЬ: — Курьеры, курьеры, курьеры... тридцать пять тысяч одних курьеров!

Рисунок А. КРЫЛОВА

Молодой драматург Терезий Ересьев выдохнул «занавес» и, вытерев пот с иссеченного творческими исканиями лба, виноватыми, собачьими глазами посмотрел на актеров.

— Пьеска, кажется, состоялась, — солидно пророчески наконец главреж Тихон Горностайский. — Поработать, конечно, голуба, придется...

— Мило, очень мило, — проворковала инженеру Маргоша Перуанская. И на всякий случай сделала Терезию глазки.

Председатель местнома Парфенов-Панфилов уронил тяжелую профсоюзную слезу.

— Bravo! — басом протрубила травести Крольчихина.

Все шло как по маслу. Терезий, блаженно улыбаясь, суетливо мял в руках пьесу и не успевал благодарить. И вдруг...

— Мы не согласны! — с мрачной решимостью сказал кто-то.

В дверях стоял театральный пожарный Потапыч.

— Кого шельмуете? Кого? — с надрывом воскликнул Потапыч, обращаясь к Ересьеву. — Беззаветных тружеников брандспойта! Кто день и ночь горит на работе? Обратно же мы, пожарные! А у гражданина Ересьева в пьеске пожарный — кто такой?

Понаторевший в театральных монологах Потапыч перевел дух и сделал эффектную паузу.

— ...Бабник, барыга и еще политуру глушит почем зря. Поклеп это, гражданин Ересьев, на нашу пожарную действительность.

И с этими словами Потапыч гордо удалился.

Терезий, которому при словах «гражданин Ересьев» уже почудилось, что он сидит не в удобном театральном кресле, а на жесткой скамье подсудимых, зябко передернул плечами.

— Я не понимаю... — начал было он, но его перебил Парфенов-Панфилов.

— Пожалуй, стоит прислушаться, — вздохнул он. — Все-таки голос пожарной общественности...

— Послушайте! — взмолился Ересьев. — У меня ведь это не просто пожарный, а главный носитель пережитков. А его монолог на пожарной лестнице во втором действии? Самое выигрышное место в пьесе...

Горностайский снисходительно хлопал Ересьева по плечу:

— Молодо-зелено, голуба. Ну что вам стоит заменить пожарного кем-нибудь другим?.. Эврика! Пусть это будет парикмахер. Лучше женщина.

Монолог на пожарной лестнице заменим монологом с аппаратом для сушки волос. Знаете, тот, который напоминает гермошлем? Ухватываете? В этом что-то марсианское есть. Современное и оригинальное, не правда ли?

Новый вариант пьесы — парикмахерский — был готов через месяц. Отрывки из него были опубликованы в местной газете. Репетиции уже шли полным ходом, когда на очередном заседании худсовета раздался стук в дверь и появились трое: грациозный молодой человек с массивным перстнем на пальце, пожилой, благообразного облика мужчина и девушка с пышной прической.

Перстенец сделал шаг вперед.

— Мы вас не обеспокоили? — учтиво осведомился он. — Извините, как минимум. Мы, так сказать, от имени и по поручению... Арнольд Евстигнеев, прошу...

Профессорского вида мужчина откашлялся.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

НОСИТЕЛЬ ПЕРЕЖИТКОВ

— Коллектив парикмахеров треста № 2, — начал он хорошо поставленным отчетно-выборным голосом, — заканчивает квартал с перевыполнением по всем показателям. Поголовье клиентов выросло по сравнению с этим же кварталом прошлого года на полтора процента. Значительно перевыполнен план по головноймкам. В свете этих успехов коллектив треста № 2, ознакомившись с пьеской некоего Т. Ересьева, считает ее попыткой исказить образ нашего современника — труженика парикмахерского цеха. Чем, например, занят в свободное от работы время дамский мастер Ахиллес Пяткин, выведенный Ересьевым в пьесе? Вместо того, чтобы сидеть дома и укреплять семью, он по воле драматурга вступает в незаконную связь с маникюрщицей Афродитой Огурцовой... Смешно? Грустно, а не смешно...

Галантно расшаркавшись и сказав на прощание еще раз «извините, как минимум», перстенец увел делегацию перевыполнять план головомоек.

Ересьев схватился за сердце. Члены худсовета дипломатично молчали.

— Да-а-а, — многозначительно протянул Горностайский, — насчет парикмахеров вы, Терезий Маркович, явно крен дали. Придется реагировать...

— Позвольте, — плачущим голосом сказал Ересьев, — это же черт знает что!

— И не думайте возражать, — жестко произнесла Маргоша Перуанская. — Надо менять. Если оставить Ахиллеса, меня так в дамской парик-

махерской причешут — мама родная в обморок упадет!

— Терезий Маркович, голуба, — главреж хлопнул себя по лбу, — давайте-ка шофера вставим в пьеску, а? Какую газету ни откроешь, косяк сейчас ихнего брата. То, смотришь, человека зашиб, то, будучи подшофе, от милиционера удрал... Злободневно!

В этот вечер Ересьев впервые в жизни напился. Но к премьере очередной вариант пьесы был готов. И через несколько дней в газете под рубрикой «Вместо рецензии» появилось письмо в редакцию:

«На днях мне довелось посмотреть сатирическую комедию «Портниха в зените» молодого драматурга Т. Ересьева. Я не буду разбирать весь спектакль — для этого есть специалисты, — а коснусь только роли шофера Ахиллеса Пяткина, который близок мне, ветерану автогунтранспорта. Как мог автор, если судить в целом по пьесе, человек талантливый, так оглупить, так принизить образ нашего советского водителя?»

Мозговой трест театра немедленно собрался на чрезвычайное совещание. Не успел Горностайский произнести свое глубокомысленное «м-да-а-а», как в кабинет главрежа вломился Терезий. Вид его был ужасен. Свержающие безумием глаза вперились в Горностайского.

— Ха-ха! — мифистопельски хохотнул Ересьев. — Кого сейчас в жертву принести хочешь? Слесаря-водопроводчика? Банного мозолиста? Не спеши, Тихон! Жребий брошен...

Ересьев ударил себя в грудь кулаком и вскопал на стол.

— Теперь в пьесе главный носитель пережитков — драматург... Ересий Тересьев... В свободное от работы время пьет коктейль «Гремучая ртуть». Смесь бензина, денатурата и купороса... Закусывает гуталином... Пусть попробуют обвинить в очернительстве! Не выйдут! Сами себя критикуют... Ха-ха!..

Когда мне было... В общем, неважно, сколько мне тогда было лет. Тем более, что в конце рассказа читатель поймет, сколько мне сейчас.

Итак, когда мне было энное количество лет, я решил написать книгу для детей.

В издательстве «Шалун» я имел беседу с редактором — очень симпатичным и милым человеком. Он твердо и недвусмысленно посоветовал:

— Пишите о современности.

Воображение каждого мальчишки, в том числе и моего сына, в ту пору волновал велосипед. Он начал особенно широко входить в наш быт и казался чудом техники. Словом, мне было что рассказать об этой замечательной машине, состоящей из двух колес, двух педалей, шестеренки, цепи передачи, рамы и руля. Что за удивительная машина! Несмотря на то, что колес всего два, и притом очень тоненьких, едет на ней человек и не падает...

Книжку, популяризирующую велосипед среди пытливого до всяческой механики ребятни, я написал за несколько дней.

Редактор издательства «Шалун», приняв от меня рукопись, сказал, что теперь дело за рецензентами.

Сын мой, в котором я видел первого читателя будущей книги, пошел в то время в первый класс.

Когда его перевели во второй, я узнал, что рецензенты книгу одобрили, и горячо радовался.

Но радость оказалась преждевременной, так как редактор, очень симпатичный и милый человек, на мои наивные слова «Значит, скоро книга выйдет в свет» ответил:

— К сожалению, это так быстро не делается. План этого года утвержден, будущего — тоже. Такая уж система, такой порядок. Придется подождать.

Когда мой сын пошел в пятый класс, меня известили, что книжка о велосипеде попала в план.

— Теперь всё! — ликующе произнес я. Но опять выяснилось, что ликовал я рано: предстоял сбор заявок от товаропроводящей сети. Среди работников различных звеньев этой сети — книжных магазинов, сельских лавок потребкооперации, киосков, ларьков и прочих павильонов — должен быть проведен широкий референдум с целью выяснения, каким тиражом печатать мою книжку.

Когда мой сын стал шестиклассником, я узнал, что референдум в основном окончен (нефтелавки почему-то не торопились с ответами) и, по предварительным данным, поступил заказ на миллион экземпляров.

Такой сногшибательной популярности я не ожидал. Мне могли позавидовать даже классики. Но редактор из «Шалуна» снова развеял мои иллюзии:

— Миллион все равно печатать не будем: не хватает бумаги. Больше ста тысяч не дадим.

— А к чему же тогда собирать заявки? — недоуменно развел я руками.

— Такая уж система. Такой порядок.

Яркие очертания славы, вдруг возникшие в моем воображении, быстро-быстро таяли, как майские облака.

Потом редактор «Шалуна» советовался со мной, какому художнику отдать на иллюстрацию мою книгу.

Я просил и жалобно стонал:

— Только не великому: великий загружен на три года вперед и сделает рисунки очень не скоро. Отдайте рядовому, хоть начинающему. Студенту худвуза, который почтет за честь...

Мои доводы в расчет приняты не были: такую интересную, занимательную книжку должен иллюстрировать только великий.

Великий сделал рисунки, действительно достойные его могучего таланта.

Я радовался и плакал. Радовался, как броско, выразительно и красиво оформят мою книжку. А плакал потому, что прошло три года — и я давно вылетел из плана издательства.

Сын мой учился уже в девятом классе. Когда он стал десятиклассником, книжка о велосипеде снова оказалась в плане — теперь уже и отредактированная, и отиллюстрированная, и смакетированная.

Оставался, казалось, один-единственный шаг до того, как она увидит свет. Но так только казалось, потому что снова предстоял референдум среди тружеников киосков, ларьков, лавок и прочих павильонов. Результаты первого референдума за исте-

чением предусмотренного инструкциями срока теперь были недействительны...

Они и вправду оказались устаревшими: интерес к велосипеду за прошедшие годы значительно упал, что не замедлило отразиться на числе заказов. И все-таки двести тысяч!

— Теперь хоть сто-то напечатаете? — заискивающе спросил я у редактора «Шалуна».

— Сто? Ни в коем случае. Пятьдесят. С бумагой стало хуже, — ответил редактор. — Так что, дорогой мой, мужайтесь. Главное впереди: кто будет печатать? Ведь у нас своей типографии нет. Надо искать печатника. В Москве не берутся — загружены, а засылать куда-нибудь в глушь не хочется: уж очень хороша книжка. И рисунки первоклассные! Так что и полиграфическое исполнение должно быть на высоте. Может, Минск возьмется. Может, Казань... Но тогда надо попасть в их производственный план. А на этот год он у них утвержден...

Я поделился своими горестями с сыном, давно уже ставшим студентом. Он успокаивал меня, как мог:

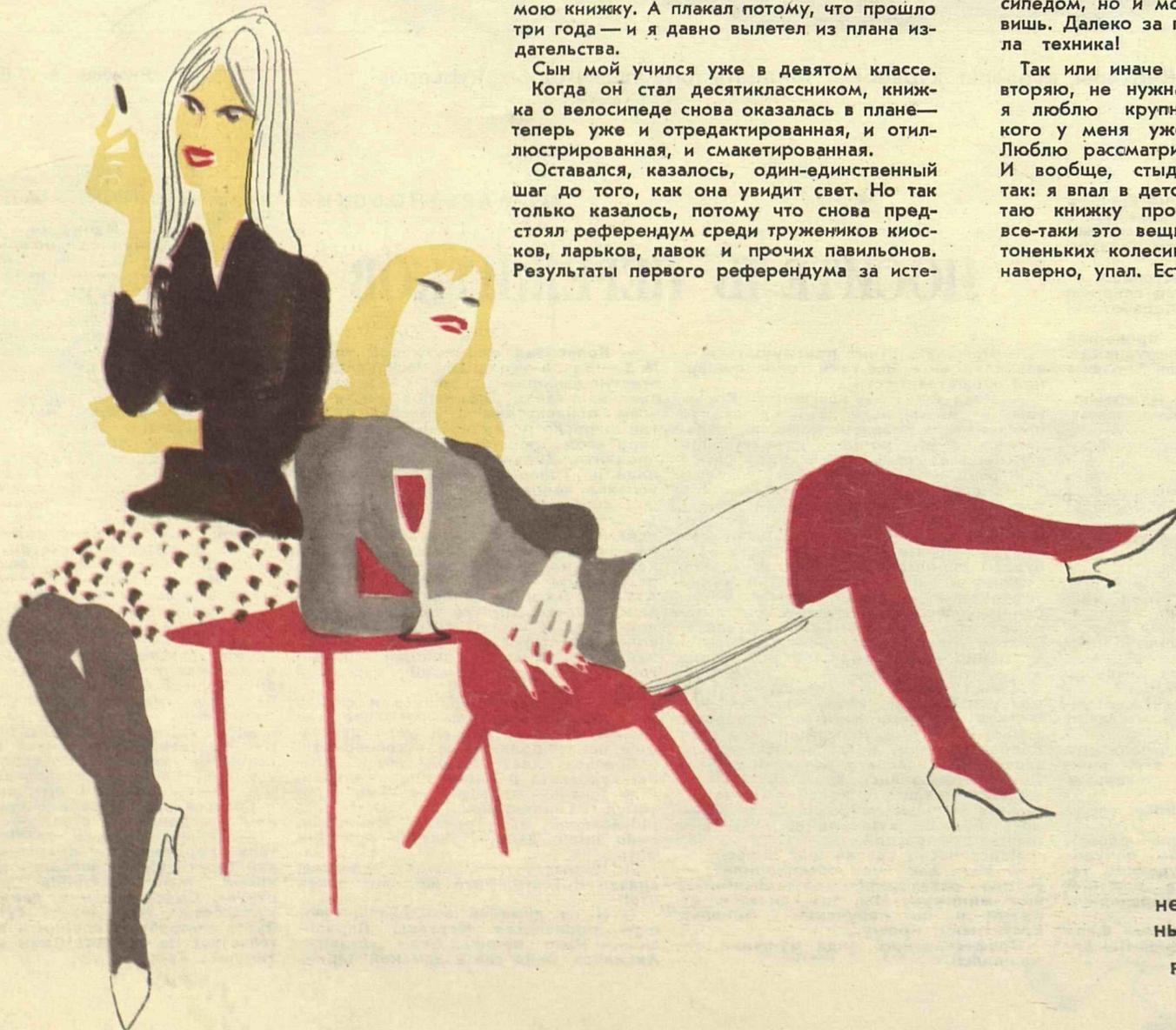
— Не огорчайся, папа. Пиши лучше для эстрады.

Один за другим сын сдавал экзамены и зачеты в институте, а из далекого Минска время от времени до меня доносились короткие сообщения: «скоро вышлем гранки...», «делаем офсетные формы», «...январю ждите пробы...», «четвертом квартале приступаем печати», «связи изменениями производственного плана откладываем будущий год...», «ждите сигнала».

Сигнальный экземпляр поступил значительно позже, чем мой сын окончил институт.

Моя книжка о велосипеде ему теперь, конечно, не нужна. Он взрослый человек, инженер на заводе, выпускающем реактивные самолеты. Так что не только велосипедом, но и мотороллером его не удивишь. Далеко за прошедшее время шагнула техника!

Так или иначе книжка моему сыну, повторяю, не нужна. Зато она нужна мне: я люблю крупный шрифт. Для мелкого у меня уже теперь не те глаза. Люблю рассматривать большие картинки. И вообще, стыдно признаться, но это так: я впал в детство. С любопытством читаю книжку про велосипед. Интересная все-таки это вещь! Едет человек на двух тоненьких колесиках и не падает... Я бы, наверно, упал. Есть о чем поразмыслить...

Г Е Р О И Н Я

— Ну, если и теперь не примут в театральный, я им устрою сцену!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

ВАЛЕНКИ

...Чем «Перцовки» тянуть
и «Тминные»,
Покупайте любимым пимы!

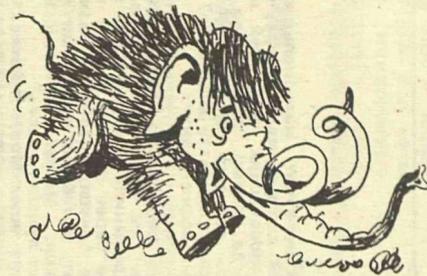
Улетая на «ТУ»,
на «ИЛях»,
На переднем эпох рубеже,
Ах, любите,
ах, помните милых:
Самоцветно от них на душе.

Михаил Львов

Я «Перцовку» не пью намеренно,
Я коньяк не чежу уверенно,
Я пишу и перевожу —
Обувь милой я привожу.
Доставляю любимой пимы я —
Полюбуйся на них, любимая!
Видишь ичиги и унты?
Что захочешь, наденешь ты.
Не летал я еще на Обь, увы,
Не привез тебе с Оби
обуви,
А житейские тормоза
Не дают купить торбаза!
Я не выпил с другом
по маленькой,
Но зато купил тебе валенки;
На переднем эпох рубеже
Самоцветно от них на душе.

Мих. РАСКАТОВ

ТОСКА ПО МАМОНТАМ

Шел я лесом
И грустил о мамонте,
Представляя древний шар земной.
Вдруг —
Чуть-чуть я не лишился памяти! —
Рыжий мамонт
Гонится за мной.
Чудище!
Воскресший ископаемый!
Не поверил я своим глазам.
А из чащи,
Путь пересекая мне,
Выползает
Страшный динозавр.
Ящеры чудовищные щерятся,
В дрожь бросают,

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти.
И на всей Земле, на всей
планете
Было некому о них грустить.
...Только мне бывает жалко
до смерти
Мамонтов...

Сергей Орлов

Душу леденят.
И со всех сторон археоптериксы
С криками зловещими летят!
Положеньё крайне незавидное...
Я от них
Без памяти бегу,
И — урал! — жилище первобытное
Вижу я в скале на берегу.
Но пещерный предок
Злее ящера:
Он схватил булыжник и пращу!
Это вероломство
Прапрапращуру
Ни за что на свете не прощу!

Иван ЗАКОНОВ

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Нынешний председатель Краснодарского горсовета Петр Михайлович Колмогорцев хочет быть во всем похожим на своих предшественников. Недавно, например, он приказал закрыть три книжных магазина. Директор книготорга Н. И. Хлабордова прибежала в горсовет.

— Что вы делаете? — ужаснулась она.
— Дома подлежат сносу, — заявил Колмогорцев. — Освобождайте!..
— Дайте что-либо взамен.
— Обойдетесь!.. Книги не предмет первой необходимости.

Хлабордова доказывала, что в Краснодаре сеть книжной торговли осталась такой же, как и до войны, хотя население выросло почти в три раза. Увы, переубедить не удалось! Даже, как говорится, наоборот.

Спустя некоторое время Колмогорцев распорядился убрать с центральной Красной улицы все книжные лотки. И опять директор бежит в горсовет.

— Почему вы запрещаете торговать книгами на улице?
— Захламляете тротуары, — отвечает Колмогорцев.
— Но торгуют же с лотков фруктами, пирожками...
— Это — дело другое. Кому нужна книга, тот найдет ее в магазине.
— Но ведь в Москве торгуют книгами на улицах.
— Там тротуары шире.

Торговля книгами с лотков все же продолжалась. Колмогорцев возмутился и принял соответствующие меры. В одно прекрасное утро лотки таинственно исчезли с улиц. Начались поиски. Обнаружили их на складе треста очистки. Оказывается, Колмогорцев приказал ночью «очистить» городские улицы от лотков книготорга.

И надо же было в эти дни, когда Колмогорцев воевал с книготоргом и книголюбями, писателям Краснодара обратиться в горисполком с просьбой (не первой, конечно) предоставить помещение для отделения Союза писателей, для редакции журнала «Кубань».

— Этого еще не доставало! — возмутился Колмогорцев. — Обходились до этого — обойдетесь и сейчас.

Писатели напомнили, что отделение Союза расположилось во дворе гаража крайисполкома, а журнал «Кубань» и вовсе бесприютный. Пора бы позаботиться...

На это Колмогорцев резонно ответил:

— Прежние председатели не предоставляли вам помещений? Нет! Почему должен именно я?..

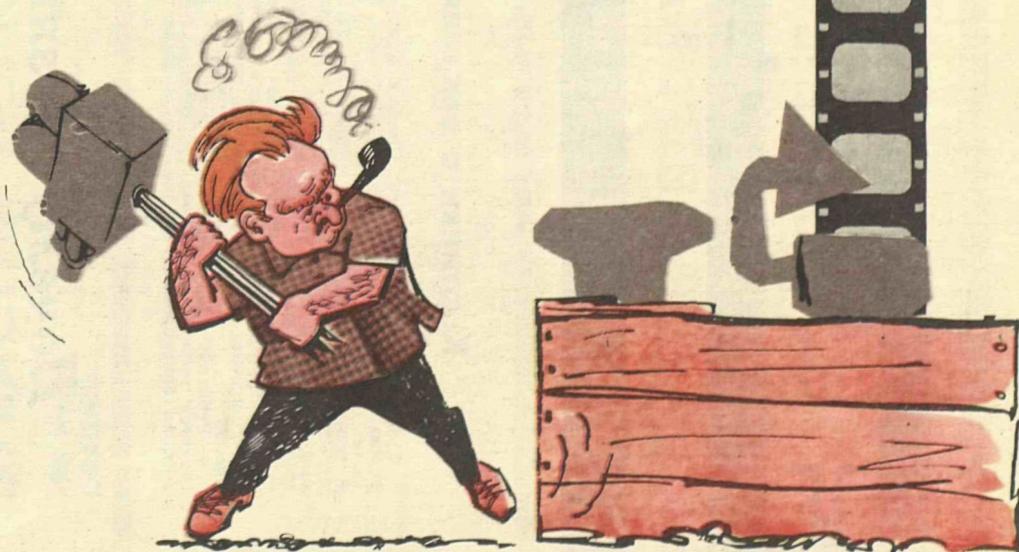
Г. СОКОЛОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Если П. М. Колмогорцеву недосуг читать книги, может быть, он все-таки найдет время, чтобы полистать хотя бы наш журнал. Пусть попросит своего референта взять в городской библиотеке комплект «Кронодила»

за 1954 год. В № 24 за тот год напечатан фельетон «Путешествие, которого не было» о том, что в Краснодаре учреждения культуры (Союз писателей, книгоиздательство, магазины книготорга, отделение Всероссийского театрального общества) ютятся в тесных, непригодных помещениях. Что же изменилось за эти годы? Ничего не изменилось! В Краснодарском книгоиздательстве, например, в четырнадцатиметровой комнате сидят пять редакторов. ВТО по-прежнему ютятся в подвале, а Союз писателей... см. выше.
Неужто подобная «стабильность» и есть идеал П. М. Колмогорцева?

Силомер для кинорежиссеров.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

4
СЕРИЯ

3
СЕРИЯ

2
СЕРИЯ

1
СЕРИЯ

ЗЫБАДУМ

МЛАДШИЙ БРАТ КРОКОДИЛА

Картинки с выставки

Я зашел в картинную галерею полюбоваться полотнами великих мастеров. В это время девушка-экскурсовод с молниеносной скоростью по залам группы пятиклассек. Она остановила их около портрета О. Грубоноговой и стала объяснять. Я прислушался.

— Ребята! Здесь чувствуется теплота к модели, которая впоследствии стала

женой художника. Вы чувствуете эту теплоту?

— Да, — кивали юные слушатели. — Теплота.

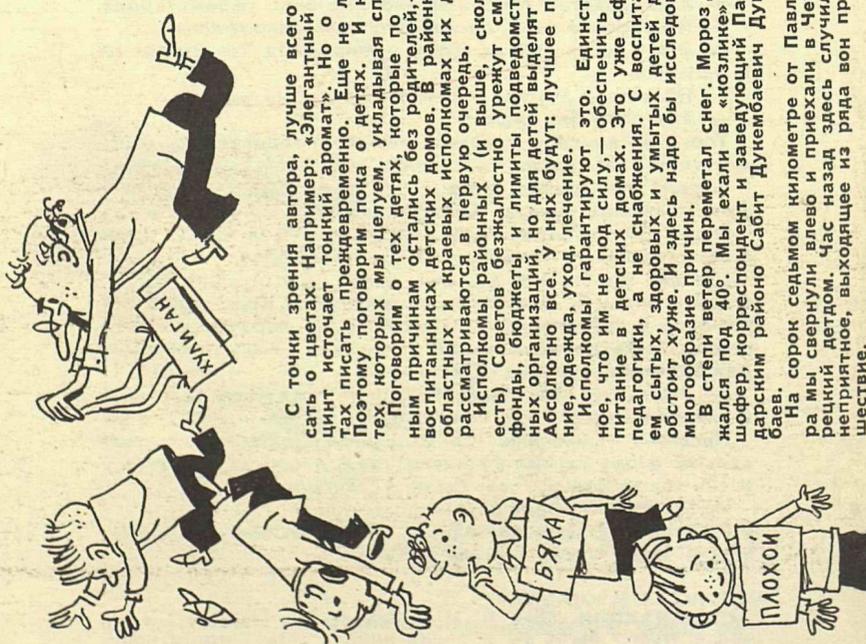
— А на этой картине вы видите, что Ва. Серов любил также изображать животныхных. И делал это, надо сказать, мастерски. Посмотрите, как здесь чувствуется конструкция коровы. Вы чувствуете ребятки, давайте

А теперь, ребята, давайте остановимся на картине

«Рубка леса», исполненной И. И. Шишкиным. Вы видите сосновый бор, поваленные деревья. Вдали два человека перепиливают ручьей пилой толстое бревно. Чувствуется, что Иван Иванович изобразил труд современного элемента межхозяйственной. Вы чувствуете теплоту? — Нет, так раньше называли невест. Недавно я снова посетил картинную галерею. В одном из залов до моего уха доносилось знакомое: — Ребята! Здесь вы видите Щербатову, выполненную кистью Ва. Серова... Вы чувствуете?..

В. КАНАЕВ

Почему бузят?

С точки зрения автора, лучше всего писать о цветах. Например: «Элегантный глянцевит источает тонкий аромат». Но о цветах писать преждевременно. Еще не лето. Поэтому поговорим пока о детях. И не о тех, которых мы целуем, укладывая спать. Поговорим о тех детях, которые по разным причинам остались без родителей — о воспитанниках детских домов. В районных, областных и краевых дошкольных их дела рассматриваются в первую очередь.

Исполкомы районных (и выше, сколько есть) Советов безжалостно урежут сметы, фонды, бюджеты и лимиты подведомственных организаций, но для детей выделяет все. Абсолютно все. У них будут: лучшее питание, одежда, уход, лечение.

Исполкомы гарантируют это. Единственное, что им не под силу, — обеспечить воспитание в детских домах. Это уже сфера педагогики, а не снабжения. С воспитанием сытых, здоровых и умных детей дело обстоит хуже. И здесь надо бы исследовать многообразные причины.

В степи ветер переметал снег. Мороз держался под 40°. Мы ехали в «козлике» — жофер, корреспондент и заведующий Павлодарским районо Сабит Дукембаевич Дукембаев.

На скором расстоянии от Павлодара мы свернули влево и приехали в Черноярский детский дом. Час назад здесь случилось неприятное, выходящее из ряда вон происшествие. — Воспитанники мальчишки при-

жать веревку, а четвертый пнул собаку ногой. Собака зарычала на него, и тогда он ударил еще раз. Затем мальчик повернулся и пошел, держа руку в кармане. Когда он отошел на несколько шагов, его приятели спустили собаку. Она догнала мальчишку в два прыжка и сделала третий. В этот момент мальчик повернулся, взмахнул рукой — и собака грузно упала на землю. Мальчик беззастенчиво ударил в сердце.

Это случилось в двух шагах от учительской. Когда у мальчишка отобрали финку и привели в учительскую, он держался как ни в чем бы было.

— Зачем ты это сделал? — спросили его. Он ответил: — Это когда-нибудь мне пригодится. Милицейский собак не испугаюсь.

— Как это стало возможным, как до этого дошло? — спросили мы. И нам пояснили, что это результат тлетворного влияния на коллектив восьми мальчишек, которые еще находятся здесь, в детском, и нескольких других, которые уже ушли в жизнь.

С пятерыми из этих других я разговаривал до поездки в детский дом. Они учились за три километра отсюда, в селе Федоровке, в профессионально-техническом училище имени Горького. Их звали: Коля Намерек, Вова Зайцев, Саша Мелиховский, Боря Дачияров и Толя Козлянский. Всем по шестнадцать лет. Образование — 6 классов. О детском доме отзывались враждебно.

Они ушли на занятия, и я попросил педагогов сказать все, что они думают об этих учениках. Мнения были такие:

— Хорошие, дисциплинированные ребята. С чувством собственного достоинства. (Л. Масюк, директор училища.)

— Старательные, способные, все тянутся к технике. (П. Моргун, завуч.)

— По сравнению с другими ребятами, которые имеют родителей, — они просто клад. (Заместитель директора по культурно-воспитательной работе А. Кузнецов.)

А то, что ребята настроены против детского дома, сказали мне, — так это ответная реакция. Ведь детдом с ними обошелся не по-человечески. И мне показалось письмо, подписанное новым директором детдома К. П. Третьяковым:

два года назад, но еще не Капитолина Сергеевна Третьякова, а прежний директор, Исмакан Омарович Ашитов. Между тем училище закрылось на каменную. Все курсанты разехались по домам. Остались пятеро. Они могли бы бездельничать и весело провести тут каникулы. Но каждый из них прожил по два-три года в детском доме. Там были друзья, а у Толи Козлянского — младший брат.

Ребята снылись и уехали на попутных машинах... Нет нужды говорить, насколько дети чувствительны к обиде. И эта обида копилась несколько лет подряд и передавалась тем, кто остался в детском. И возникла сам по себе дух протеста, стремление делать назло, страсть разрушать. Мальчишки, девочки тут не были различий. Девочки, посланные перебирать картошку, разгромили кладовую. Произошло так, объясняли они потом, мы даже не знаем, что на нас нашло. Мальчишки принесли давать неизвестные тайные клятвы, для верности в кровь стирая руки.

Отчего так повелось? От вреднейшей инерции. Конечно, при передаче дел прежний директор аттестовал новому ребят: этот — худилган, тот — так себе, этот — неустойчив. И Капитолина Сергеевна, оглушенная массовой свалкившись на нее забот, приняла все на веру и провела «оздоровительные мероприятия».

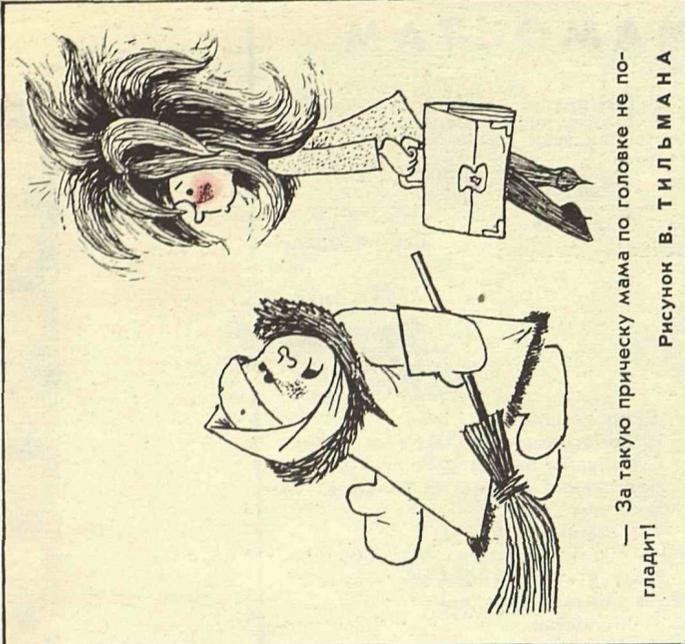
— Собирайтесь, — сказали пятерым. — По-едем.

— Куда? — спросили они. — Там увидите.

И их отвезли в училище. Никто не спросил у них перед этим: к чему вы стремитесь, Толя, Вова? Ведь специальности — 30 000, кем вы хотите стать? Не спросил никто. Просто посадили и повезли. И это только озлобило всех ребят, и тех, что остались.

Возможно, наши пятеро не всегда были хорошими. Скорее всего, не были. И с той поры к ним прилепилось: худилган. А затем по закону инерции передалось от директора к директору.

Так ведется. Закон инерции прочно сидит в некоторых из нас. И вот Некто совершает Некто. После этого происходит большая, приятная и честная человек, его дети вырастают и идут устраиваться на работу. И там вдруг слышат у себя за спиной: а-а-а, да ведь это дети того самого Некто, который

— За такую прическу мама по головке не погладит!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

газина переучет материальных ценностей делается каждый месяц. Переучета материальных ценностей ценностей мы не делаем, иногда годами. Этому надо учиться. Теперь остается пустяковым вопросом: какие меры принимать в детском? Бросить туда новые ассигнования?

Ассигнования не нужны. Детдом строит отличное капитальное здание, просторное и радостное. Там будут самые лучшие постели, радиоприемники и игры. Капитолина Сергеевна, что боится: разобьет, разломает, искромсают, как было с другими комплектами инвентаря. Может быть, на новом месте его ждет лучшая участь?

Что же еще? Могут найти людей, которые потребуют чудесной, освещенной, десятилетиями мерз: сняты Директора! Тем более, что напечатано о нем в «Зубастине»! Надо реагировать!

Не надо так реагировать. Капитолина Сергеевна — хороший директор. Теперь она должна принять и можно осуществлять индивидуальный подход.

Тогда что же? Что им надо, этим детям? Почему бузят? Ведь сыты, в тепле... Упомянутых выше тепла и сытости достаточно для счастья разве лишь кроликам в живом уголке. Детям этого мало.

Им нужны самые лучшие педагоги. Вот те, которых изпод носа у детских домов выхватывают городские школы-интернаты. И еще детскому дому нужны люди. Короче говоря, шефы. Но не такие, что соберут по гривеннику с носа, купят и преподнесут два велосипеда, лишь бы отвязаться. Велосипеды можно достать и другим способом. А нужны просто живые, внимательные люди.

Так вот. Если учесть, что шоссе на Чиркаче не пролегал через Павлодар, если учесть, что движение тут маленькое, и вообще Павлодар плетется в хвосте у Чиркача по части преступности, то дежурства на дорогах и в дружине можно маленько свернуть. И выкраивать время, наводить ребят в Черноярском. Навешать регуляры! Детям будет приятно. А они отзывчивые, результат не замедлит сказаться. И когда будет так, мы сможем не волноваться, результаты, которые скоро «выйдут в жизнь» из детского дома.

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент «Зубастика»

«Приглашаются на работу: мастера-портные верхне-дамского и верхне-мужского пошива».
(«Удмуртская правда»).

«Алкоголики прогрессируют обычно в двух направлениях: они разбухают или усыхают».
(«Коммунист»).

г. Череповец.

«При фабрике работают два детских сада, один детский ясли и детский комбинат. Всего в них воспитывается 525 работников фабрики».

(«Истомкинский текстильщик»)
г. Ногинск.

«И тут отец с сыном обнаружили в нескольких метрах пригавшихся в кустах еще двух сохатых. Последовали меткие выстрелы, и к ногам охотников почти вплотную друг к другу улеглись уже четыре медвежьи туши».
(«Бакинский рабочий»).

«Стоимость новогодних елок производится только по указанию лесника».

(«Уральская ночегарна»)
г. Кизел.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Н. БАЖЕНОВ

КТО КОМУ МОЛИТСЯ?

РАССКАЗ

К директору районного Дома культуры Сергею Ивановичу Свиридову зашел массовик Володя, серьезный худой юноша в очках. Зашел он под вечер, неловко поклонился и начал переминаясь с ноги на ногу, что означало у него высшую степень волнения и тревоги.

— Ну, какие пироги? — улыбнулся ему директор. — Пари держу, что подобрал наконец руководителя фотокружка.

— Нет, Сергей Иванович, я по другому вопросу зашел. Я, Сергей Иванович, с серьезным сигналом к вам.

Он покосился на находившегося в директорском кабинете бухгалтера Сивого, потом подошел поближе к столу и, вытянув шею, сказал:

— Мне думается, что Андрей Ильич, наш лектор на атеистические темы, — франкмасон!

Свиридов и Сивый в изумлении воззрились на Володю.

— Чего-о? — переспросил директор. — Франкмасон? Чуть какая-то! Сейчас никаких франкмасонов, сиречь вольных каменщиков (Сергей Иванович любил блеснуть эрудицией), нету. Вымерли! Это я точно знаю.

Володя сконфуженно шмыгнул носом.

— Ну, может, я неправильно выразился, — сказал он. — Франкмасон в моем понимании есть

глубоко религиозный человек, если хотите, фанатик и изувер, но тщательно скрывающий свою веру. Разоблачить его трудно, потому что людям он говорит одно, а сам чувствует другое. Разве что случайно когда-нибудь обмолвится.

Бухгалтер Сивый понимающе закивал.

— А ведь это бывает в жизни, Сергей Иванович, — вмешался он в разговор, — я тоже такого знал в свое время. В коллективе слыл воинствующим атеистом, церковью, служителей культа почему зря хулил, а придет домой, запретя, бух на колени, и ну отбивать поклоны, чтобы, значит, бог простил ему его хулу! Только он назывался не франкмасон, а двурешник, который и нашим и вашим.

— Да вы что, оба белены объелись, что ли? — рассердился Свиридов. — Андрей Ильич — высокой квалификации лектор, никакой он не двурешник и не франкмасон. Народ его слушает охотно, потому что он к каждой лекции хорошо готовится, интересные примеры подбирает. Мало ли что могут наговорить на человека? Язык без костей. Но тсс... кажется, он пришел, легок на помине. У него же нынче лекция «Происхождение праздника пасхи».

И действительно, дверь распахнулась, и в кабинет стремительно вошел молодой еще, но уже с изрядной лысиной маленький чернявый человек. Он бросил на диван объемистый портфель и зябко потер ручки.

— Брр! Холодище-то нынче! Не весна, а наказание господне! Выйдешь из дому и всю дорогу молишь бога, чтобы скорее до Дома культуры добраться.

— Неужели так холодно? — спросил бухгалтер. — И-и, не приведи господь! — пожаловался лектор.

Свиридов и Сивый выразительно переглянулись.

— М-да, нынче свежо, — согласился директор, — там уже народ собрался, Андрей Ильич, должно быть, опять зал полный.

— Вот это хорошо! — искренне обрадовался лектор. — Мне ведь по заданию райкома еще одну лекцию прочесть нужно. На кровати фабрики, в семь часов. Маловато времени, да, пожалуй, с молитвой успею. А? Должен успеть! Ну, господи благослови, пошел я.

Он забрал свой портфель и выскочил в фойе. Оставшаяся троица некоторое время молчала.

— Бога-то он, верно, к месту и не к месту поминает, — размышлял Свиридов, задумчиво барабаня пальцами по столу. — Может, это маши-

нально, по привычке, а может, и вправду верующий. Кто его знает! В душу к нему не заглянешь. Неужто и он дома перед иконами на колени бухается? Ай-яй! Конфузия! А вдруг область об этом узнает...

— Непременно с кем-нибудь посоветуйтесь, — предложил Сивый, — хотя бы в райисполкоме. А то не ровен час...

На следующий день Свиридов с раннего утра сидел в приемной председателя райисполкома Бухтеева и дожидался, когда он появится. Наконец грузный, страдающий одышкой председатель показался в дверях и медленно двинулся в кабинет, бросая на ходу ожидающим:

— Привет! Наше вам с кисточкой! А тебе, Свиридов, что надо? Опять какую-нибудь чертовщину выкинул?

— Посоветоваться зашел, — ответил директор Дома культуры, — есть тут одно щепетильное дельце.

— Щепетильное? А ну, проходи.

Пока председатель снимал пиджак и вешал его на спинку кресла, Свиридов поделился своими сомнениями насчет лектора. Председатель молча слушал, потом сердито засопел.

— Какого беса ты ко мне с подобными пустяками пристаешь? Тут от посевной аж чертики в глазах мельтешат, а ты еще своим франкмасонством голову морочишь! Лучше бы к предстоящему смотру сельских хоровых коллективов предложения продумал. Ох, боюсь, этот сатана Капелькин провалит нам мероприятие!..

— Как же мне все-таки быть-то? — уныло спросил Свиридов. — Поскольку сигнал о лекторе поступил, стало быть...

— Посылай всех сигнальщиков к чертовой бабшке! — вскипел Бухтеев. — А еще лучше посылай их ко мне. Я им такое франкмасонство покажу, что сам Вельзевул завертится в своем пекле. Распустились, дьяволы! Ну да я их распотрошу, сто чертей им в глотку!

Глубоко задумавшись, вернулся Свиридов в свой кабинет и устало плюхнулся в кресло. К нему мгновенно подскочили массовик Володя и бухгалтер Сивый. В ответ на их немой вопрос Сергей Иванович беспомощно развел руками:

— Ничего не могу понять. Хоть убей! Ну, хорошо, допустим, Андрей Ильич часто поминает бога потому, что в него верует. А товарищ Бухтеев кого почитает? Выходит, что чер... Господи! Помоги рабу твоему разобраться в этом запутанном деле!

ШАЛЯЙ-ВАЛЯЙ!

Воровство отвратительно.

В непреложности этой заповеди тов. Королев убедился еще раз, когда у него в трамвае стянули кошелек. И хотя было в том кошельке каких-нибудь рубля полтора мелочью, лоб директора покрылся жаркой испариной, а ноги задрожали. Он быстро захлопал по себе ладошками, словно гася загоревшийся пиджак. Документы тут... Слава богу... Так, расческа на месте...

— Ой! — закричал тов. Королев ужасным голосом. — Пропала самописка!

Луна освещала город Челябинск ярким равнодушным светом, а директор советского продовольственного торгова, как раненый бизон, бежал в милицию.

Вора не нашли, но с тех пор директор торгова С. П. Королев значительно повысил свою индивидуальную бдительность: прятал кошелек в самую глубь кармана, застегивая таковой на большую дамскую пуговицу-«футболку».

Правда, не так давно к нему в кабинет рысью забежал начальник канцелярии и, два раза проглотив слюну, твердо сказал:

— Украла! На вверенной вам базе. Конюшевская Анна Степановна, заведующая, украла пятьдесят тысяч.

— Что украла-то? — вяло поинтересовался директор торгова.

— Полтонны муки, три центнера пшена, крупы четыре центнера, тканей различных без малого полкилометра, консервов разных 513 банок, — перечислил начканц. — Вот смотрите фото... И наличными без малого пятьдесят тысяч. Извольте взглянуть, еще снимок...

Да, дорогой читатель. На снимке вы видите Анну Степановну Конюшевскую в тот момент, когда с криком «Берите все, не жалко!» она бросает работникам Челябинского ОБХСС краденые денежные знаки... Любопытно отметить, что, когда Анну Степановну ближней дорогой привезли в казенный дом и дали ей первый тюремный обед, она прижала к груди «пайку» и, оросив ее слезами, воскликнула:

— Наконец-то! Наконец-то я ем свое, причитающееся мне по праву!..

Надо сказать, Анна Степановна в этом заявлении ничуть не покривила душой. Самым поразительным в ее жизни было то, что она ворованными продуктами совсем не пользовалась.

На работе она кушала приносимые из дому акриды и черные сухари, а также то, чем ее угощали, так сказать, Христа ради сердобольные сослуживцы. Им было горько наблюдать, как эта интересная, во цвете лет дама угасала на их глазах от дистрофии.

До сих пор неизвестно, чем питалась Анна Степановна на дому, так как почти все награбленное ею осталось цело.

Обвинительное заключение по делу А. С. Конюшевской скрупулезнейшим образом составлено на семидесяти четырех листах. В нем подробно проанализированы и запротоколированы методы хищений и механика воровских операций. В заключении отмечено, что деятельность Конюшевской, рецидивистки со стажем, «стала возможной лишь из-за слабого контроля со стороны торгова».

О таком писали уже тысячу раз, и от этого члести сводит свинцовой судорогой. Но вот о чем, наверное, ни разу не писали:

Создавая излишки и осуществляя различные некрасивые кунштюки, Анна Степановна Конюшевская планомерно производила самостоятельный учет движения продуктов, вплоть до ведения специальных учетных карточек!..

В обвинительном заключении отмечается: «Конюшевская изымала все до последнего грамма, что возможно лишь при строжайшем контроле и учете».

Итак: учет и контроль со стороны бандитки, грабившей торговый сектор. И полная безответственность и бесконтрольность со стороны торгова, призванного осуществлять учет и контроль.

После того, как я прочитал последние листы обвинительного заключения, состоялся горький разговор с работниками областной челябинской прокуратуры. Они в один голос сказали, что вор нигде не находит такой живительной среды, как в области торговли.

Факты? Да сколько угодно. Цитируем постановление Челябинского комитета народного контроля «О состоянии сохранности товарно-материальных ценностей на базах и складах торговых организаций города»:

«Проверкой, проведенной городским комитетом народного контроля и областным управлением охраны общественного порядка, выявлено неудовлетворительное хранение социалистической собственности на базах и складах: горкоопторга (директор тов. Костылев Н. Ф.), горплодоовощторга (тов. Осинский В. В.), Ленпродторга (тов. Маслов В. И.), 2-го треста столовых (тов. Байдак К. В.), Тракторопродторга (тов. Дольник Л. С.), облпактоуправления (тов. Чижевская

А. Я.), Металлургпродторга (тов. Гладков И. Н.) и Совпродторга (тов. Королев С. П.)...»

Дело доходит до анекдотов. На тарной базе Металлургпродторга в полуразрушенном сарае валяются одиннадцать мотороллеров, четыре компрессорные установки для холодильников, две сатураторные установки и даже 300 железных бочек. Элементарные охранные и противопожарные требования не соблюдаются, зато здесь же, на базе, заведующий складом тов. Шанин держит кур, выстроив для них специальный курятник!

Вы бы видели этот курятник: чудо, а не сооружение! Ни одному ворю не доступен (не то что примитивной лисе), утеплен, добротен... И орут на базе петухи, являясь единственными сторожами брошенного богатства...

В целом, как видите, это принцип «шаляй-валяй».

Воровство, конечно, отвратительно, но, может быть, еще более отвратительно ротозейство. Да, ротозеями надо называть руководителей, которые застегивают собственный карман на большую пуговицу, а общественное хозяйство ведут спустя рукава, не умеют или не любят считать народную копейку, а о контроле и учете вообще знают понаслышке. Поэтому можно все-таки понять воров: отчего бы и не красть в таких идеальных, райских условиях? Тем более, если сам вор — человек инициативный, аккуратный, превосходно умеющий делить, множить и, естественно, вычитывать.

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила
г. Челябинск

— Как бы не вылететь...

Рисунок Е. ГУРОВА

ГРИЗЛИ ИЗ ОАЗИСА КУЛЬТУРЫ

Вот вы говорите — культурный центр. А что это такое?

Вы скажете: это совсем не то, что медвежий угол. Совершенно верно. Но тем не менее на улице культурного центра, такого, скажем, как американский город Филадельфия, можно встретить медведя.

То есть с виду он, конечно, джентльмен: побрит, умыт, и пиджак с двумя разрезами. А заглянешь в душу — шерсть свисает жесткими патлами, как у гризли, только-только кубарем скатившегося с отрогов Аппалачских гор.

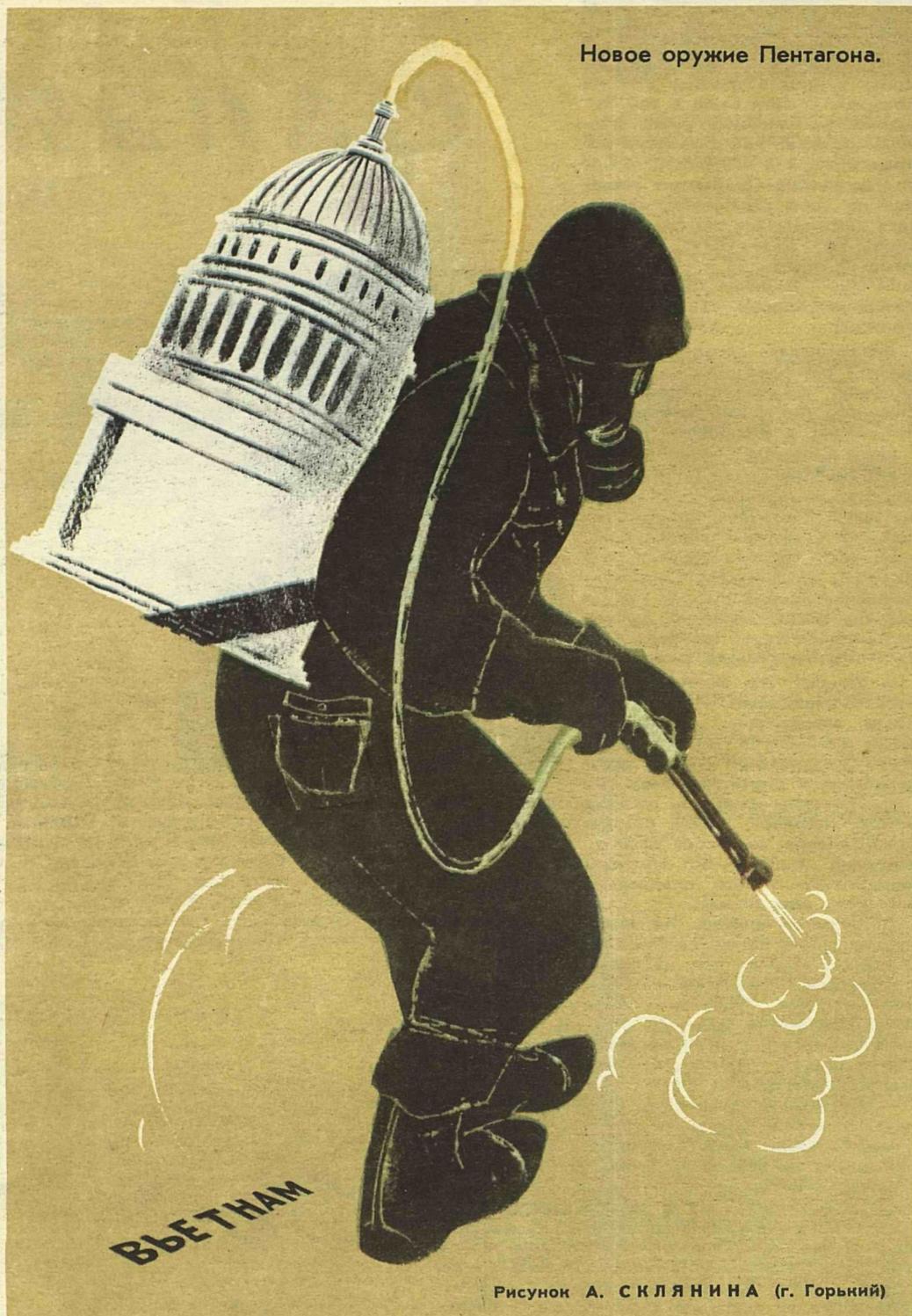
В связи с этим возникает интересная проблема — о влиянии культурной среды на духовное развитие медведя гризли. Каюсь, в юные годы механизм культурного воздействия на озверелую душу представлялся мне в несколько примитивном свете. Казалось, стоит поиграть на скрипочке недельку-другую над ухом взломщика что-нибудь из Паганини или Скарлатти — и ломик с хрустальным звоном выпадет из заскорузлой ладони, а на бесстыжие глаза набегит горячая слеза раскаяния. Однако жизнь и дела конгрессменареспубликанца Джеймса Фултона убеждают, что процесс душевного умягчения и облагораживания протекает куда сложнее.

Джеймс Фултон представляет в конгрессе штат Пенсильвания, однако украшением штата является не столько Фултон, сколько город Филадельфия. О Филадельфии говорят, что она играет роль оазиса культуры в Америке, чего никак нельзя сказать о роли Фултона в конгрессе. Фултон не оазис, а медведь из вышеупомянутого оазиса.

Долгие годы Джеймс Фултон расхаживал по улицам Филадельфии, умело скрывая под крахмальной манишкой медвежью шкуру. Ему было нелегко: на каждом углу его подкарауливали очаги культуры — Музыкальная академия, Академия естественных наук, Американское философское общество, Академия изящных искусств, музей Родена, дом-музей Эдгара По, концертный зал филладельфийского симфонического оркестра... Мы затрудняемся сказать, забредал ли Джеймс Фултон в эти учреждения или пугливо обходил их стороной, как стальные капканы. Достоинственно известно только, что он ненароком угодил в Пенсильванский университет и вышел оттуда, унося в зубах диплом бакалавра юридических наук.

Перебравшись со временем в Вашингтон, пенсильванский гризли довольно долго выдавал себя за просвещенного государственного мужа. Самое смешное, что ему верили. Но недавно он себя выдал.

На днях конгрессмен Фултон зарычал натуральным медвежьим рыком. Он призвал бомбардировать Демократическую Республику Вьетнам. Другие кричат «Бомбить!», не углубляясь в детали. Но Фултон, если вы не забыли, — бакалавр юриди-

Новое оружие Пентагона.

Рисунок А. СКЛЯНИНА (г. Горький)

ческих наук. Ученый медведь. Сви-репый, но с дипломом. Он конкретизировал:

— Надо бомбить плотины! Чтобы затопить районы, в которых выращивают рис!

Слышите, какое маленькое, скромное желание у пенсильванского гризли: уморить голодом детей, женщин, стариков, старух и всех прочих граждан ДРВ, которые никогда ни сном, ни духом не замыслили напасть на детей, женщин, стариков, старух и всех прочих обитателей США, включая конгрессмена Фултона.

И еще Фултон очень просил свое правительство распорядиться насчет вьетнамских электростанций, чтобы их тоже разнесли в прах вместе с плотинами. Да будет тьма — в порядке гостинца от страны Томаса Альвы Эдисона...

— Бомбы следует сбрасывать не на такие мелкие объекты, как шоссе-сейные дороги, а на электростанции, — рекомендовал этот представитель фауны штата Пенсильвания.

Как видите, культурная среда об-

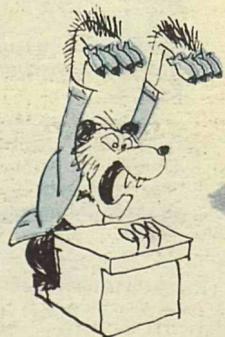
лагораживает не всякого. По крайней мере на медведей гризли изящные искусства не оказывают утончающего влияния.

Вполне возможно, что, проживая в Филадельфии, Джеймс Фултон забредал ненароком и в музей Родена. Но, стоя перед «Мыслителем», он мыслил о том, как извести под корень вьетнамский народ.

Не исключено, что Фултон по ошибке забредал и на концерты. Но, слушая «Грезы» Шумана, он в своих грезах видел трупы детей, погибших от голода.

Как утверждает миф, складкозвучный певец Орфей, попав в царство Аида, укротил чарующими звуками диких зверей. Вы можете спросить: неужели прославленному филладельфийскому симфоническому оркестру не по плечу то, что делал вокалист-одиночка, аккомпанировавший себе на золотой кифаре?

Увы, не по плечу. Оркестр тут, конечно, не повинен. Зверь нынче не тот пошел...

М. ВИЛЕНСКИЙ

БОРЕЦ

Я ли не боролся?! Уверяю вас, никто у нас в Турции не бился с этими бывшими больше меня.

Когда они выступали, признаюсь, я аплодировал им в наиболее патетических местах. Но, проявляя невиданное гражданское мужество, я аплодировал спуская рукава. Да, чуточку одергивал рукава пиджака и аплодировал!.. К сожалению, они не поняли даже этого. Что касается голосования,—голосовал. Но как!.. Когда председатель нашей парламентской группы сказал: «Пусть те, кто согласен, поднимут руки!»—я поднял правую руку вот так, не очень высоко, а левую—совсем чуть-чуть. Можно ли было яснее дать понять, что я не заодно с ними? Прошу вас, подумайте, что это значит—приподнять левую руку? Разве это не мужество?

Ведя борьбу с этими бывшими, я то и дело шел на риск. Я не только не одобрял всех их действий, я постоянно выступал против.

Как-то сам бывший премьер спросил меня:

— Вы одобряете нашу политику?

— Помилуйте, бей-эфенди,— ответил я,— могу ли я не одобрять политику вашего высокопревосходительства?! Ведь ее одобряют все. Наш народ от мала до велика признателен вам. Да не лишит нас аллах вашего руководства! Вы спаситель посланный всевышним владыкой на благо нашему народу. Как же мне не одобрять вас? Я готов жизнью жертвовать ради вас!

Так я говорил, издеваясь над ним. Но он, опьяненный властью и само-

мнением, не понял, что я высмеиваю его.

Да, я никогда не отступал в борьбе с этими бывшими. Помню, однажды собрались их партийные лидеры. Был и я там. Речь шла о том, чтобы бросить в тюрьмы строптивых журналистов и сделать еще жестче закон о печати. Все требовали закрытия оппозиционных газет и расправы с журналистами, слепые глаза которых не видят солнечной действительности.

Газетчиков—за решетку! Завинтить гайки закона о печати!

Когда они кричали так, я начал посмеиваться про себя. И что же?.. Они не заметили даже этого. Вы представляете себе, что это значит—посмеиваться про себя в момент обсуждения столь серьезного вопроса? Да ведь меня понял бы даже индюк!

Как-то вечером они собрались во дворце. Был приглашен и я. Говорили о необходимости отправить на пенсию судей, которые вынесли решения, идущие вразрез с интересами их партии. Наш бывший был вне себя от гнева.

— Мы им покажем, где раки зимуют!—воскликнул он.

Я тотчас кашлянул. Да, да, кашлянул, имея в виду совсем противоположное.

— Хасан-бей, вы нездоровы?—спросил премьер.

Я ответил, преисполненный гражданского мужества:

— Желаю вам здоровья, бей-эфенди. У меня насморк.

И что бы вы думали!.. Клянусь аллахом и всеми пророками, он не понял и на сей раз.

Отправляясь с визитом в Америку, бывший премьер взял и меня. Да, я был включен в число сопровождающих. На обратном пути в самолете мы сидели рядом, беседовали.

— Как вы думаете, Хасан-бей,—спросил он меня,—удастся ли нам победить на предстоящих выборах?

И тут мое терпение лопнуло. Я решил: пусть смерть, но я открою ему глаза на истину.

— Разумеется, бей-эфенди,—ответил я вполголоса, скорее даже сквозь зубы.—Можете не сомне-

ваться. Народ вас любит. Безусловно, наша партия победит с помощью аллаха!

Думаете, он понял смысл моих слов, произнесенных вполголоса? Вы слышите: вполголоса?! Сквозь зубы! Не понял. Нет, таких безмозглых надо поискать!

А вспомните лживые газеты, которые кормились подкачками этих бывших. Я никогда не одобрял их желтую прессу. Читая по утрам в постели лицемерные статьи этих газет, я улыбался, больше того—посмеивался. Клянусь вам, случалось, даже бранился в душе. Но они были слепы и глухи! Как вам это нравится? Вы слышите: я открыто бранился в душе!

Радио было превращено ими в средство саморекламы. Всякий раз, когда в эфире звучала речь кого-нибудь из них, я демонстративно закидывал ногу на ногу. Мало того, я поворачивался к радио спиной: мол, расскажите одному моему месту!..

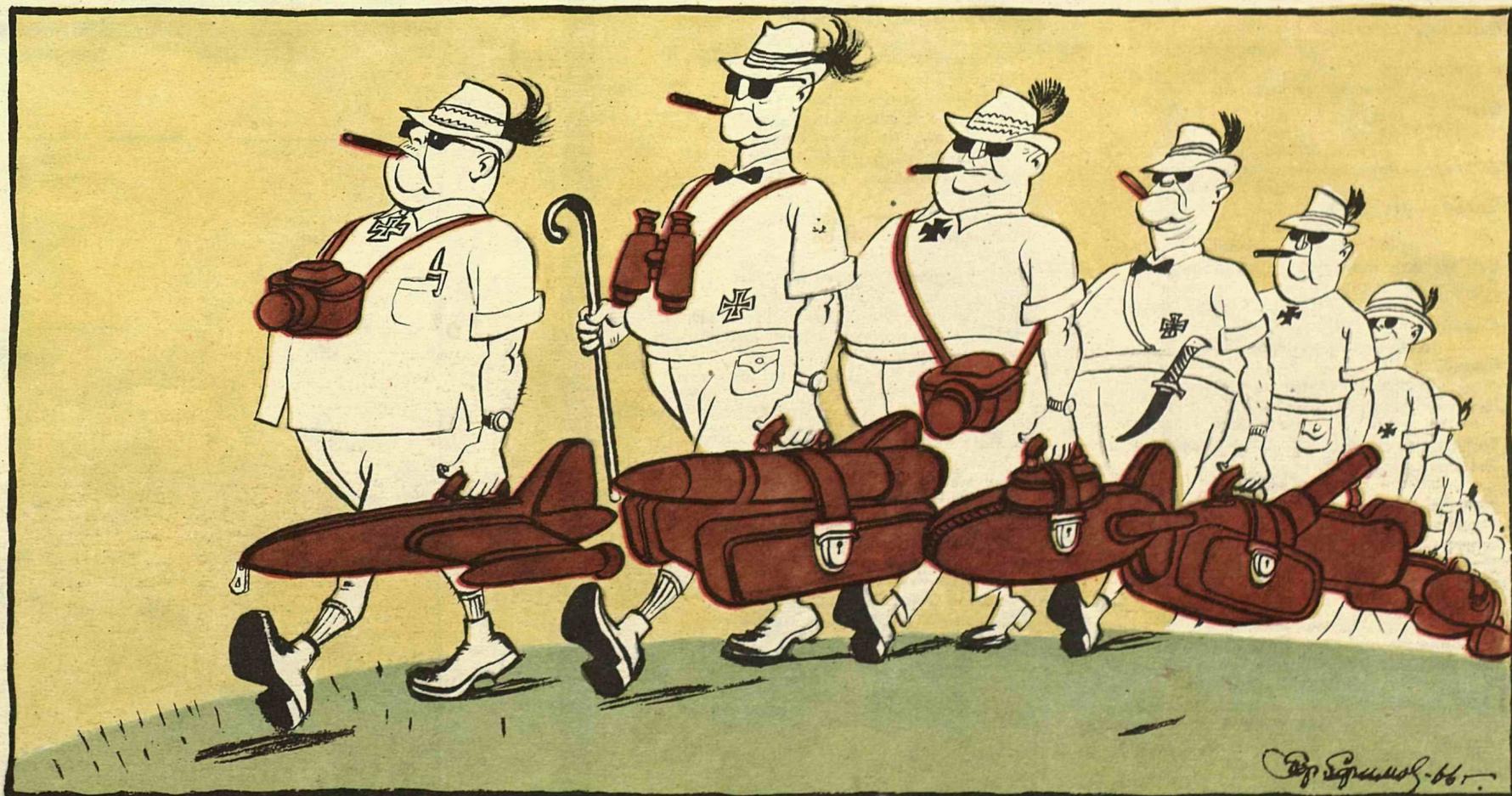
Кто в те времена рисковал так, как я?

А на выборах, голосуя за них, опуская в урну бюллетени, я несколько раз повторял про себя: «Тьфу, да накажет вас аллах!»

Увы, увы! Ничего этого они не понимали. Что я ни делал, что ни говорил, все впустую. И вот результат: проходимость угодили в яму, которую рыли для других. Слава аллаху, народ избавился от них, а я от надобности браниться.

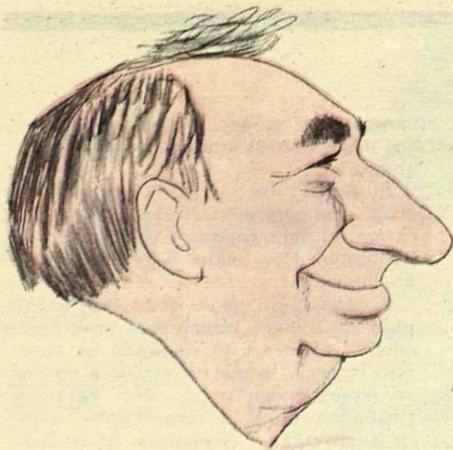
Ах, бесчестные! Ах, подлецы! Ах, скоты!

Перевел с турецкого И. ПЕЧЕНЕВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ БАГАЖ (боннский вариант для развивающихся стран).

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

В Л А Д И М И Р М А С С

БРАНЬ

Блещут витрины,
Женщины... Школьники... Дети... Народ.
И вдруг ядовитой струей матерщины
Кто-то площадь,
Парень шагает по площади бодро.
Вот он оставил
Полные злости
Все ненавидящих
С рылом кувшинным,
Тешит себя он
Эта грохочущая
Скромных познаний его
Не околело,
Слово
Сердце и нервы
Слово — наследье
Как же нам выкинуть из обихода
Страшное слово
Слово,
Слово,
Как уничтожить
То, что на всякую подлость готово,
Липкий осколок
Низкое,
Слово-плевок?
С рылом кувшинным,
Парень шагает
Но овладел он зато матерщиной,
Как не владел
Мозг угнетая,
Лавой
Застит нам свет,
Эта
Как с саранчой,

и бороться с ней надо.
Химики! Где вы?
За дело!
Химики! Беда!
Нет ли смертельного яда,
Чтобы покончить с ней
раз навсегда?

ЕСЛИ БЫ!..

Степан Петрович бросил пить
И стал гораздо лучше жить.
Но в основном, как ни старался,
Каким он был, таким остался.
Потом курить он перестал,
Не кашлял больше,
Помолодел и округлился,
Но, в общем, мало изменился.
Вот если бы он бросил врать,
Никто б не мог его узнать!

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Небезызвестные Мартышка и Очки
Играли как-то в «дурачки».
Во время этих «дурачков»
Почти что с самого начала,
Под самым носом у Очков
Мартышка явно плутовала:
Все у Мартышки дамы, короли...
И странно:
Очки заметить не могли,
Очки,
которые другим даруют зренье!
Мораль сей басенки проста.
Не только в баснях наблюдать могли вы:
Иные быть должны особо прозорливы,
А вот, поди ж,
не видят ни черта!

О КЛУБНОЙ РАБОТЕ

Был много раз проверен план,
Уточнены работа секций,
Характер танцев под баян,
Программа вылазок и лекций...
Решенья были хороши.
Беда: в них не было души,
И скука в распорядок клуба
Вошла весомо,
зримо,
грубо.

НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ

Лежал окурок рядом с урной:
До урны он не долетел.
Поступок явно некультурный,
Как видно, место тут имел.
Но не сердись, читатель, и учти:
Окурок был на правильном пути!

Исполнилось семьдесят лет старейшему крокодилу, известному писателю-сатирику, поэту и драматургу Владимиру Захаровичу МАССУ. Крокодил горячо поздравляет юбиляра и желает, чтоб еще много лет сухим был порох в пороховницах и не притупилось острое перо сатирика.

ЧИТАТЕЛЬ

ОБИДЕЛАСЬ...

Дорогой Крокодил!
В издательстве и типографии «Калининградской правды» работает буфет Калининградского горрыбкоопа.

Буфетчица Ерофеевко Надежда Киреевна допускала обшаривания, грубила, оскорбляла покупателей. Когда же ее нарисовали в сатирическом листке, она вывесила на дверях буфета вот это объявление:

*Буфет закрыт,
Буфетчица ушла
и все вывезла.
Ищите себе такую буфетчицу,
которая сможет быть
Козлом отпущения т.е.
вы её будете клевать
в хвост и в гриву, а она
будет есть и молчать.*

Г. РЕЗНИК, секретарь партбюро
издательства и типографии

г. Калининград.

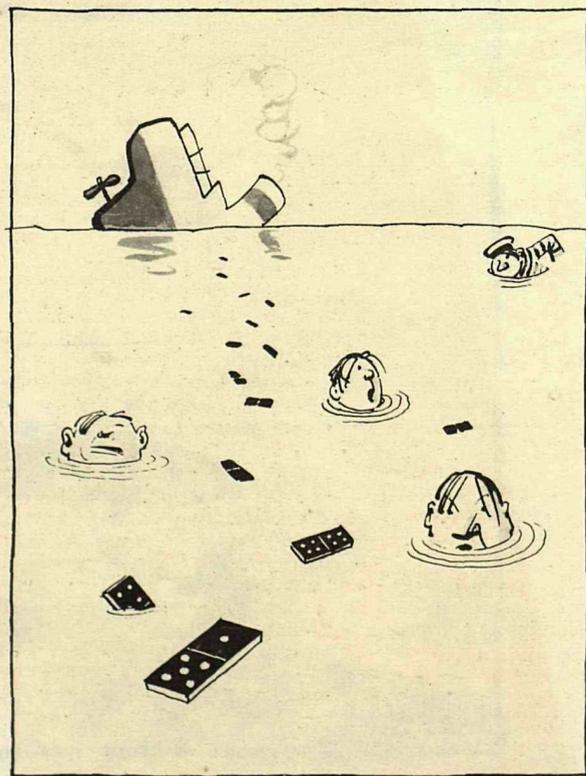
Бесплатно!

Новотульский металлургический завод отпускает всем желающим металл без нарядов, и притом совсем бесплатно.

Желающие должны прибыть на заводские свалки. Там в кучах шлака они найдут мощные слитки металла в неограниченном количестве.

Подробности можно узнать на соседнем Новомосновском химвкомбинате. Его коллектив уже собрал на этих свалках без малого три тысячи тонн металла. Распопки успешно продолжаются.

А. МАЛАХОВ,
мастер Новомосновского химвкомбината

Достукались.

Рисунок А. ГРУНИНА

КОММЕНТИРУЕТ...

Дорогой Крокодил!

Высылаю образец конфетной обертки.

Никак не пойму: то ли конфета так оригинально называется, то ли эта конфетная обертка рекламирует пиво, выпускаемое специально для школьников?

Ф. МУРАТОВ

г. Ашхабад.

ДУБ-ФЕНОМЕН

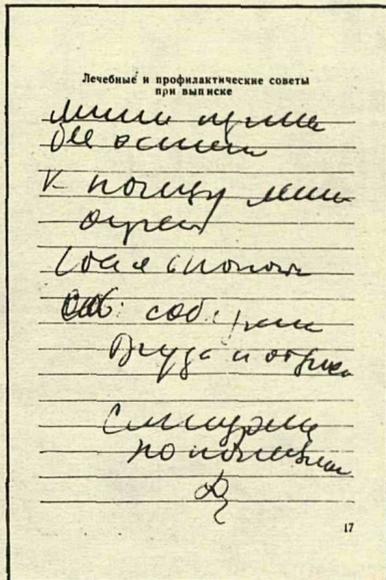
Эту табличку, прикрепленную к трускавецкой достопримечательности, я впервые увидел в 1963 году. С тех пор прошло более двух лет. Дуб за это время не дал дуба и не сыграл в ящик. Он по-прежнему растет и каждую весну покрывается изумрудной листвой. Однако табличка почему-то свидетельствует, будто возраст дуба не меняется. Как и в 1963 году, ему сейчас 375 лет. Ничего не скажешь, феноменальное явление природы!

Л. ПАВЛОВ

г. Трускавец.

Догадайся сам!

Я лечился и отдыхал в Святогорском санатории имени Артема. При выписке врач-ординатор Вера Николаевна Деркач записала мне в санаторно-курортную книжку ряд лечебных и профилактических советов.

Для того, чтобы их прочесть, я хотел было изучить латынь, клинопись, письменность народности майя. Но передумал: все равно не смогу понять, что же мне посоветовала Вера Николаевна.

А. БЕЛЯНСКИЙ

г. Рубежное, Луганской области.

ПРОСТО АНЕКДОТ

ЖЕНА. Ты можешь гордиться мною. Где бы ты еще нашел такую женщину! Я пою, играю на пианино и пишу акварелью.
МУЖ. Благодарение богу, что я хоть немного умею стряпать.

ВРАЧ. Ну, Михель, вы обещали мне поросенка, если я вас вылечу.

ПАЦИЕНТ. Я не забыл об этом, господин доктор, но тем временем поросенок тоже выздоровел.

Парижанку чуть было не задавила машина. Дама обратилась с жалобой в полицию.

— Вы не запомнили номер машины? — спросил дежурный полицейский.
— Нет. Но могу сообщить следующие подробности: за рулем сидела некрасивая немолодая женщина в белой шляпке с розовой вуалью, в темно-зеленом платье джерси и в перчатках из свиной кожи.

— Если сегодня вечером родители уйдут, — говорит Кэт Джону, — я брошу в окно шиллинг. Ты услышишь звон монеты и подымеешь ко мне.

В назначенное время Кэт бросает шиллинг. Но проходит час, а Джон так и не поднимается. Кэт с раздражением выглядывает в окно.

— Джон!
— Я здесь, дорогая.
— Разве ты не слышал, как упала монета?
— Конечно, слышал.
— Так в чем же дело?
— Вот уже целый час ишу ее и никак не найду...

— Господин директор, — говорит антриса, — я сторонница реализма, а потому прошу, чтобы во втором акте мне было подано настоящее шампанское.

— Не возражаю, мадам, но в таком случае я вынужден настаивать, чтобы в четвертом акте вы приняли настоящий яд.

Жена о своем муже:
— Он у меня ужасно упрямый. Вы не представляете себе, до чего трудно заставить его согласиться, что он не прав, когда он в действительности прав.

Две антрисы говорят об общей приятельнице:
— Никак не могу этого понять: Элен вышла замуж за критика, который всегда ругал ее в рецензиях...
— Ну вот она и решила ему отомстить.

Рисунок М. СОКОЛОВА

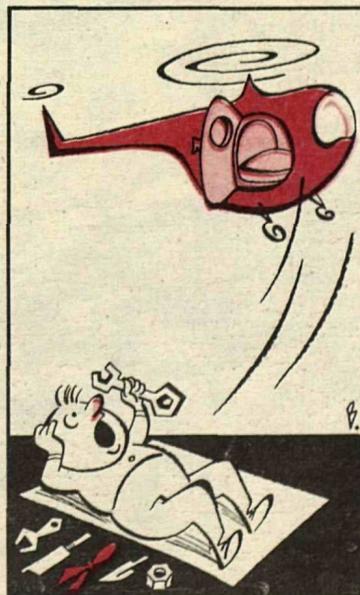

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Издательство «Правда».
А 10524. Изд. № 169.
Подписано к печати 9/II 1966 г.
Тираж 4 300 000 экз.
Формат бум. 70×108/8.
1 бум. л.— 2,74 печ. л.
Заказ № 362.

УКАТИЛИ...

Рисунок Г. ИОРША